

Борис Соколов

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА

ЭКСМО

алгоритм

Москва

2011

Первая любовь-ненависть Достоевского

Весной 1861 года Федор Михайлович Достоевский встретился с юной эмансипированной девушкой, Аполлиinarieй Прокофьевной Сусловой. Эта встреча перевернула всю жизнь писателя и оказала, наверное, решающее влияние на его творчество, да и на саму жизнь. Однако их любовь была счастливой недолго. Они больше мучили друг друга, чем дарили друг другу счастье.

К моменту встречи с Аполлиinarieй Федор Михайлович уже четыре года был женат, а до этого прошел и через объявление смертного приговора, и через сибирскую каторгу, которой власть наградила его за желание помогать униженным и оскорбленным в составе кружка Михаила Петрашевского.

Стоит подробнее остановиться на первой избраннице Достоевского. Они познакомились в Семипалатинске, куда Достоевский был направлен после освобождения из каторжной тюрьмы в Омске. 2 марта 1854 года писатель был зачислен рядовым в местный 7-й саперный линейный батальон. По сравнению с каторгой это было огромным облегчением, тем более что начальники особо не напрягали Федора Михайловича по

службе. У него появилась возможность со временем получить офицерский чин, выйти в отставку и заняться литературой.

Психиатр Н.А. Юрман утверждал: «Хотя Достоевский и не любил впоследствии говорить о своей жизни в Сибири, не любил, даже когда другие придавали этому особое значение, но каково ему было на каторге, какие душевные муки он на ней испытывал, видно из его письма к брату Андрею Михайловичу из Семипалатинска от 6.XI.1854 г., в котором он пишет о своем пребывании на каторге: «а те 4 года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу. Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела, как камень, у меня на душе. Во все 4 года не было мгновения, в которое бы я не чувствовал, что я в каторге». Но та же каторга, со всеми ее ужасами, как выражается сам Достоевский, «много вывела и многое привила». Вывела, как я уже говорил, психастению, которую «как рукой сняло», и привила эпилептические припадки, которые не оставляли уже Достоевского в течение всей его последующей жизни. Хотя следует заметить, что психастенические черты характера в форме фобий, страхов наблюдались у Достоевского в течение всей его жизни, как это хорошо видно, например, из его писем к жене...

В 1845 году Достоевский пишет брату о «Минутках, Кларушках, Маринах и т. п.», которые «похорошели донельзя, но стоят страшных денег». «На днях Тургенев и Белинский разобрали меня в прах за беспорядочную жизнь», — при-

бавляет он. Об этом письме упоминает в своей книге и Мережковский. По поводу заключительных слов из того же письма: «я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я беспутен» Мережковский указывает не без иронии, что «почтительный и целомудренный биограф О. Ф. Миллер, спешит сделать предположение, что «беспутство», о котором здесь идет речь есть только денежная беспорядочность Федора Михайловича: но именно этою поспешностью оправдания поселяет сомнение в душе читателя...»

Несомненно, еще до каторги Достоевский вел не монашеский образ жизни, что к моменту встречи с Исаевой, тем не менее, не помешало возникновению между ними романтической любви.

Муж первой жены Достоевского, Александр Иванович Исаев, послужил прототипом спившегося чиновника Мармеладова в «Преступлении и наказании». Сам Достоевский характеризовал время каторги как «страдание невыразимое, бесконечное». Через несколько недель после переезда в Семипалатинск он сообщал брату Михаилу: «Покамест я занимаюсь службой и припоминаю старое. Здоровье мое довольно хорошо и в эти два месяца много поправилось». Достоевский физически окреп, нервные припадки стали редкими.

Начальник Достоевского, подполковник Беликов, читать не любил, предпочитая слушать. Достоевский был для него «живой аудиокнигой», регулярно читая вслух для подполковника книги и газеты. Беликов также познакомил

Достоевского с семипалатинским обществом, а потом разрешил писателю снять комнату «с пансионом». Достоевскому на каторге было особенно тяжело, поскольку, по его собственным словам, ему пришлось испытать «все мщение и преследование, которыми они (каторжники) живут и дышат к дворянскому сословию». «Но вечное сосредоточение в самом себе, — писал он брату 22 февраля 1854 года, — куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды». Тогда Достоевский и пришел к вере в Бога. Сильно помогло Достоевскому и то, что он подружился с бароном Александром Егоровичем Врангелем, который занимал должность семипалатинского стряпчего по уголовным и гражданским делам, т. е. прокурора. Барон взял его под свое покровительство, во многом облегчив его службу.

Супруги Исаевы приехали из Астрахани в Петропавловск в 1851 году. Здесь Александр Иванович получил место чиновника особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа. Но уже на следующий год семья Исаевых обустраивается в Семипалатинске. К моменту знакомства с Ф.М. Достоевским Исаев лишился места по конфликту с начальством из-за участвовавших запоев. При этом он, по словам Достоевского, был «натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован, понимал все», но его губил алкоголь.

Сама Мария Дмитриевна происходила из довольно обеспеченной семьи потомков французских эмигрантов, ее отец Д.С. Констант был директором Астраханского карантинного дома. Мария родилась в Таганроге в 1824 году, получила хорошее домашнее воспитание, училась в

женском пансионе, а затем в Астраханском институте благородных девиц, где особенно отличалась на выпускных экзаменах по классу музыки и французскому языку. В 1846 году она вышла замуж за чиновника особых поручений при Астраханском комитете по перевозке казенного провианта А.И. Исаева, выходца из потомственных дворян Олонецкой губернии. В следующем году у них родился сын Паша.

Ко времени знакомства с Достоевским муж Исаевой уже несколько месяцев был без работы и сильно пил. Состояния Исаевы не имели, а кое-какие сбережения таяли, и нужда стучала в дверь их дома.

Почти все свободное время писатель проводил у Исаевых. В Марии Дмитриевне его привлекала необычайная впечатлительность, резкие порывистые движения, манера говорить.

Романтическая драма, согласно воспоминаниям современников и сохранившимся письмам, развивалась следующим образом. В конце мая 1855 года семейство А.И. Исаева переезжает из Семипалатинска в город Кузнецк Томской губернии, где Исаев получил должность заседателя по корчемной части (т. е. по управлению трактирами). В августе 1855 года Достоевский получает от Марии Дмитриевны извещение о смерти мужа. Овдовевшая женщина рассказывала, что похоронила мужа на чужие деньги, что у нее ничего не осталось, кроме долгов, что кто-то прислал ей три рубля. «Достоевский немедленно выслал Марии Дмитриевне значительную сумму денег, которую сам занял с трудом. Тогда он начал хлопотать о приеме ее старшего сына в учебное заведение на казенный счет. Исаевой

также помогла жена местного исправника, богача и хлебосола Анна Николаевна Катанаева.

Роман Достоевского с Исаевой был бурным, отнюдь не гладким, и даже после того, как 4 августа 1855 года А.И. Исаев скоропостижно скончался, влюбленные, разделенные сотнями километров сибирских степей, далеко не сразу соединились.

Узнав, что Мария Дмитриевна свободна, Достоевский отправил в Кузнецк письмо, в котором просил ее руки. Но Исаева опасалась выходить замуж за человека без средств, лишенного всех прав состояния.

В период разлуки Достоевский посылал Исаевой письма, в которых говорил о своей любви. Так, 4 июня 1855 года Достоевский писал Марии Дмитриевне из Семипалатинска:

«Благодарю Вас беспредельно за Ваше милое письмо с дороги, дорогой и незабвенный друг мой Марья Дмитриевна. Надеюсь, что Вы и Александр Иванович позволите мне называть вас обоих именем друзей. Ведь друзьями же мы были здесь; надеюсь, ими и останемся. Неужели разлука нас переменит? Нет, судя по тому, как мне тяжело без вас, моих милых друзей, я сужу и по силе моей привязанности... Представьте себе: это уже второе письмо, что я пишу к Вам. Еще к прошедшей почте был у меня приготовлен ответ на Ваше доброе, душевное письмо, дорогая Марья Дмитриевна. Но оно не пошло. Александр Егорыч, через которого я был намерен отдать его на почту, вдруг уехал в Змиев в прошлую субботу, так что я даже и не знал о его отъезде и только узнал в воскресенье. Человек

его тоже исчез на два дня, и письмо осталось у меня в кармане. Такое горе! Пишу теперь, а еще не знаю, отправится ли и это письмо. Ал<ександра> Ег<оровича> еще нет. Но за ним послали нарочного. К нам с часу на час ждут генерал-губернатора, который в эту минуту, может быть, и приехал. Слышно, что пробудет здесь дней пять. Но довольно об этом. Как-то Вы приехали в Кузнецк, и, и чего Боже сохрани, не случилось ли с Вами чего дорогою? Вы писали, что Вы расстроены и даже больны. Я до сих пор за Вас в ужаснейшем страхе. Сколько хлопот, сколько неизбежных неприятностей, хотя бы от одного перемещения, а тут еще и болезнь, да как это вынести! Только об Вас и думаю. К тому же, Вы знаете, я мнителен; можете судить об моем беспокойстве. Боже мой! да достойна ли Вас эта участь, эти хлопоты, эти дразги, Вас, которая может служить украшением всякого общества! Распроклятая судьба! Жду с нетерпением Вашего письма. Ах, кабы было с этою почтою; ходил справляться, но Ал<ександра> Ег<оровича> все еще нет. Вы пишете, как я провожу время и что не знаете, как расположились без Вас мои часы. Вот уж две недели, как я не знаю, куда деваться от грусти. Если б Вы знали, до какой степени осиротел я здесь один! Право, это время похоже на то, как меня первый раз арестовали в срок девятом году и схоронили в тюрьме, оторвав от всего родного и милого. Я так к Вам привык. На наше знакомство я никогда не смотрел как на обыкновенное, а теперь, лишившись Вас, о многом догадался по опыту. Я пять лет жил без людей, один, не имея в полном смысле никого, перед кем бы мог излить свое сердце. Вы же

приняли меня как родного. Я припоминаю, что я у Вас был как у себя дома. Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я Вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня. Ведь я это понимаю и чувствую, ведь не без сердца ж я. Вы же, удивительная женщина, сердце удивительной, младенческой доброты, Вы были мне моя родная сестра. Одно то, что женщина протянула мне руку, уже было целой эпохой в моей жизни. Мужчина, самый лучший, в иные минуты, с позволения сказать, ни более ни менее как дубина. Женское сердце, женское сострадание, женское участие, бесконечная доброта, об которой мы не имеем понятия и которой, по глупости своей, часто не замечаем, незаменимо. Я все это нашел в Вас; родная сестра не была бы до меня и до моих недостатков добрее и мягче Вас. Потому что если и были вспышки между нами, то, во-первых, я был неблагодарная свинья, а, во-вторых, Вы (сами) больны, раздражены, обижены, обижены уже тем, что не ценило Вас поганое общество, не понимало, а с Вашей энергией нельзя не возмущаться несправедливостью; это благородно и честно. Вот основание Вашего характера; но горе и жизнь, конечно, много преувеличили, много раздражили в Вас; но, Боже мой! все это выкупалось с лихвою, сторицею. А так как я не всегда глуп, то я это видел и ценил. Одним словом, я не мог не привязаться к Вашему дому всею душою, как к родному месту. Я вас обоих никогда не забуду и вечно вам буду благодарен. Потому что я уверен, что вы оба не понимаете, что вы для меня сделали и до какой степени такие люди, как вы,

были мне необходимы. Это надо испытать, и только тогда поймешь. Если б вас не было, я бы, может быть, одеревенел окончательно, а теперь я опять человек. Но довольно; этого не расскажешь, особенно на письме. Письмо уже потому проклятое, что напоминает разлуку, а мне все ее напоминает. По вечерам, в сумерки, в те часы, когда, бывало, отправляюсь к вам, находит такая тоска, что, будь я слезлив, я бы плакал, а Вы верно бы надо мной не посмеялись за это. Сердце мое всегда было такого свойства, что прирастает к тому, что мило, так что надо потом отрывать и кровенить его. Живу я теперь совсем один, деваться мне совершенно некуда; мне здесь все надоело. Такая пустота! Один Ал<ександр> Егорыч, но с ним мне уже потому тяжело, что я поневоле сравниваю Вас с ним, и, конечно, результат выходит известный. Да к тому же его и нет дома. Без него я ходил раза два в Казакова сад, куда он переехал, и так было грустно. Как вспомню прошлое лето, как вспомню, что Вы, беденькая, все лето желали проехаться куда-нибудь за город, хоть воздухом подышать, и не могли, то так станет Вас жалко, так станет грустно за Вас. А помните, как один раз нам таки удалось побывать в Казаковом саду, Вы, Алек<сандр> Иван<ович>, я, Елена. Как свежо я все припомнил, придя теперь в сад. Там ничего не изменилось, и скамейка, на которой мы сидели, та же... И так стало грустно. Вы пишете, чтоб я жил с Врангелем, но я не хочу, по многим важным причинам. 1) Деньги. С ним живя, я, очевидно, должен буду больше тратить: квартира, прислуга, стол, а мне тяжело было бы жить на его счет. 2) Мой характер. 3) Его харак-

тер. 4) Я как поглядел, к нему-таки часто таскается народ, и даже помногу. Исключить себя из компании иногда невозможно, а я терпеть не могу незнакомых лиц. Наконец, я люблю быть один, я привык, а привычка вторая натура. Но довольно. Я еще почти ничего Вам не рассказал. Проводив Вас до леса и расставшись с Вами у той сосны (которую я заметил), мы возвратились с Врангелем рука в руку (он вел свою лошадь) до гостеприимного хутора Пешехоновых. Тут-то я почувствовал, что осиротел совершенно. Сначала еще было видно ваш тарантас, потом слышно, а наконец все исчезло. Сев на дрожки, мы говорили об вас, об том, как-то вы доедете, об Вас в особенности, и тут, к слову, Врангель расска<за>л мне кой-что, меня очень порадовавшее. Именно в самый день отъезда, утром, когда Петр Михайлович? приглашал Врангеля куда-то на весь вечер, он отговорился и на вопрос: почему? — отвечал: провожаю Исаевых. Тут были кое-кто. П<етр> М<ихайлович> тотчас осведомился: стало — дескать, Вы коротко знакомы? Врангель резко отвечал: что хоть знакомство это недавнее, но все-таки это был один из приятнейших для него домов и что хозяйка этого дома, то есть Вы, такая женщина, какой он с Петербурга еще не встречал, да и не надеется более встретить, такая, «каких Вы, — прибавил он, — может быть, и не видывали и с которой знакомство я считаю себе за величайшую честь». Этот рассказ мне очень понравился. Человек, который бесспорно видал женщин самого лучшего общества (ибо в нем и родился), имеет, кажется, право в таком суждении на авторитет. В этих разговорах и ругая Пешехоно-

вых, мы приехали в город почти на рассвете, и кучер, которому предварительно не дали приказания, привез прямо к моей квартире. Таким образом, пропал предполагаемый чай, чему я был очень рад, затем что ужасно хотелось остаться одному. Дома я еще долго не спал, ходил по комнате, смотрел на занимающуюся зарю и припоминал весь этот год, прошедший для меня так незаметно, припомнил все, все, и грустно мне стало, когда раздумался о судьбе своей. С тех пор я скитаюсь без цели, настоящий Вечный жид. Почти нигде не бываю. Надоело. Был у Гриненки, который командирован на Копал и на днях выходит (он будет и в Верном!, был у Медера, который находит, что я похудел, у Жунечки (поздравлял с именинами), где встретил Пешехоновых и поговорил с ними, бываю у Велихова и, наконец, хожу в лагерь на учение. Иногда хвораю. С каким нетерпением я ждал татар-извозчиков. Ходил-ходил к Ордынскому, и каждый вечер Сивочка бегал справляться. Заходил на вашу квартиру, взял плющ (он теперь со мной), видел осиротелую Сурьку, бросившуюся ко мне со всех ног, но не отходящую от дому. Наконец извозчики воротились. Ваше письмо, за которое благодарю Вас несчетно, было для меня радостью. Я и татар расспрашивал. Они мне много рассказали. Как хвалили Вас (все-то Вас хвалят, Марья Дмитриевна!). Я им дал денег. На другой день я видел Коптева у Врангеля. Он тоже мне кое-что рассказал, но об самом интересном, о Ваших деньгах для дороги, не мог спросить его: вопрос щекотливый. Я до сих пор не придумаю, как Вы доехали! Как мило Вы написали письмо, Марья Дмитриевна! Именно такого письма я же-

лаа; как можно больше подробностей, и вперед так делайте. Я как будто вижу Вашу бабушку. Негодная старуха! Да она Вас сживет со свету. Пусть остается с своими моськами «по гроб своей жизни». Я надеюсь, что Александр Иванович завещание вытянет, так должно, а ее не возьмет. Ее надо уверить, что так будет лучше: иначе она должна дать подписку, что умрет через три месяца (за каждый месяц по 1000 рублей), иначе не принимайте. Неужели Вам, Вам, Марья Дмитриевна, придется ходить за ее моськами, да еще с Вашим здоровьем! Ведь эти старухи так несносны! Письмо Ваше прочитывал Врангелю (местами, конечно). Не утерпел и сходил к Елене: одна, бедная. Как мне было жаль, что Вы хворали дорогой. Когда-то дождусь Вашего письма! Я так беспокоюсь! Как-то Вы доехали. Жму крепко руку Александру Ивановичу и целую его. Надеюсь, что он напишет мне вскорости. Обнимаю его от всего сердца и как друг, как брат желаю ему лучшей компании. Неужели и в Кузнецке он будет так же неразборчив в людях, как в Семипалатинске? Да стоит ли этот народ, чтоб водиться с ним, пить-есть с ними и от них же сносить гадости! Да это значит вредить себе сознательно! И как противны они, главное, как грязно. После иной компании так же грязно на душе, как будто в кабаке сходил. Надеюсь, Александр Иванович за мои пожелания на меня не рассердится. Прощайте, незабвенная Марья Дмитриевна! Прощайте! ведь увидимся, не правда ли? Пишите мне чаще и больше, пишите об Кузнецке, об новых людях, об себе как можно больше. Поцелуйте Пашу; верно, шалил дорогой! Прощайте, прощайте! Неужели не увидимся.

Ваш Достоевский».

По свидетельству З.А. Сытиной (Гейбович), дочери ротного командира 7-го Сибирского линейного батальона, под чьим командованием служил Достоевский, в Семипалатинске писатель расходовал свои более чем скромные средства на помощь бедным: «Получаемые им из России деньги расходовались, кроме домашних нужд, которые были очень умеренны, большей частью на бедных. Я очень хорошо знаю, что Достоевский долго содержал в Семипалатинске слепого старика татарина с семейством, и я сама несколько раз ездила с Марьей Дмитриевной, когда она отвозила месячную провизию и деньги этому бедному слепому старику».

Достоевский писал брату Михаилу из Семипалатинска 13—18 января 1856 года о своей возлюбленной: «Надобно знать тебе, мой друг, что, выйдя из моей грустной каторги, я со счастьем и надеждой приехал сюда. Я походил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я хотел жить. Что сказать тебе? Я не заметил, как прошел первый год моей жизни здесь. Я был очень счастлив. Бог послал мне знакомство одного семейства, которое я никогда не забуду. Это семейство Исаевых, о котором я тебе, кажется, писал несколько, даже поручал тебе одну комиссию для них. Он имел здесь место, очень недурное, но не ужил на нем и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и все хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованием, состояния не имел, и потому, лишась

места, мало-помалу они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он наделал долгов. Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загрубелая. Он очень опустил себя в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований. Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустил ужасно. А между прочим, это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и понимал все, об чем бы с ним ни заговорить. Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден. Но не он привлекал меня к себе, а жена его, Марья Дмитриевна. Это дама, еще молодая, 28 лет, хорошенькая, очень образованная, очень умная, добра, мила, грациозна, с превосходным, великодушным сердцем. Участь эту она перенесла гордо, безропотно, сама исправляла должность служанки, ходя за беспечным мужем, которому я, по праву дружбы, много читал наставлений, и за маленьким сыном. Она только сделалась больна, впечатлительна и раздражительна.

Характер ее, впрочем, был веселый и резвый. Я почти не выходил из их дома. Что за счастливые вечера проводил я в ее обществе! Я редко встречал такую женщину. С ними почти все раззнакомились, частью через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств. Наконец ему вышло место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможене; переход от богатой и видной должности к заседательству был

очень унижен. Но что было делать! Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними. В мае месяце 55-го года я проводил их в Кузнецк, через два месяца он умер от каменной болезни. Она осталась на чужой стороне, одна, измученная и истерзанная долгим горем, с семилетним ребенком и без куска хлеба. Даже похоронить было мужа нечем. У меня денег не было. Я тотчас занял у Алекс<андра> Егор<овича> сначала 25 и потом 40 руб. серебр<ом> и послал ей. Слава Богу, теперь ей помогают родные, с которыми она была несколько в ссоре, через мужа. Родные ее в Астрахани. Ее отец, сын французского эмигранта, m-r de Constant; он старик и занимает значительную должность директора карантин в Астрахани. Состояния не имеет, но живет своим жалованием, очень значительным. Теперь же скоро выйдет в отставку, и потому доходы его сократятся. У него, кроме того, еще 2 дочери на руках. Наконец, осталась родня мужа, родня дальняя; один из братьев мужа служит в Гвард<ейском> финск<ом> стрел<ковом> батальоне капитаном. Я знаю, что и фамилья мужа была очень порядочная. Теперь вот что, мой друг: я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить. Жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда в том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе, в Астрахань. Если до весны моя судьба не переменится, то она должна будет уехать в

Здесь сквозит подлинная любовь. Достоевский был уверен, что Марию Дмитриевну послал ему Бог. Освобождение с каторги породило надежду на возрождение к новой жизни, и встреча с Исаевой произошла очень вовремя. Вчерашний узник влюбился с первого взгляда. И, очевидно, помогал семейству Исаевых.

Суммы долгов, упоминаемые в письме, — 100—125 рублей — весьма значительны для того времени, тем более для глухого, провинциального Семипалатинска. А в рулетку Достоевский тогда еще не играл.

Из письма следует, что Мария Дмитриевна ответила Федору Михайловичу взаимностью в любви, хотя, по всей вероятности, это произошло не сразу. Сам же он не обращал внимание на наличие спивающегося мужа и жаждал скорее соединиться со своей возлюбленной. Несколько лет спустя точно так же Аполлинария Сулова будет желать скорейшего соединения с Достоевским, а он не сможет бросить пусть уже и нелюбимую, но умирающую Марию Дмитриевну. Для Федора Михайловича христианское милосердие никогда не было пустым звуком. Для Аполлинарии же христианские ценности ничего, по сути, не значили. Она сердилась, что ее любовник обращает внимание на эти, как она полагала, предрассудки. Но мы немного забежали вперед. Пока еще роман с Исаевой в самом разгаре, и чувства обоих — на высшей точке.

Однако разлука в связи с отъездом семейства Исаевых в Кузнецк едва не расстроила отношения писателя с его будущей первой женой. Соперник Достоевского, 24-летний учитель рисования Николай Борисович Вергунов, преподавал рисунок сыну Исаевой Паше и стал любовником его матери в Кузнецке. Мария Дмитриевна не скрывала от Достоевского своего нового увлечения.

А в письмах любимой Достоевский теперь заметил сдержанность и даже некоторый холодок. В одном из писем Маша спрашивала, как

ей поступить и что ответить человеку, который сделал ей предложение. Этим человеком был учитель рисования местного уездного училища Николай Борисович Вергунов, уроженец Томска, не так давно переведенный в Кузнецк. Молодой человек приятной наружности, с твердым жалованьем и непьющий был благосклонно принят вдовой. Но ответа на предложение руки и сердца она ему не давала, не решаясь сделать выбор между ним и Достоевским.

Весть о предполагаемом замужестве Исаевой взволновала Достоевского. И он решился съездить в Кузнецк, хотя, как ссыльный, и не имел на это права. В июне 1856 года, отправившись по служебным делам в Барнаул, Достоевский на обратном пути рискнул заехать в Кузнецк. «Я готов под суд идти, только бы с ней видеться», — признавался впоследствии писатель. Два дня пребывания в Кузнецке пролетели быстро... Достоевский уехал с тяжелым сердцем. Хотя Мария Дмитриевна снова говорила, что никто не разлучит их, но он знал, что пройдет несколько дней и все может измениться.

И едва он вернулся в Семипалатинск, как сразу получил несколько писем, в которых Мария Дмитриевна писала, что она, вероятно, выйдет замуж за Вергунова.

24 июля 1856 года Достоевский признавался Врангелю в муках ревности: «Я увидел ее! Что за благородная, что за ангельская душа! Она плакала, целовала мои руки, но она любит другого. Я там провел два дня. В эти два дня она вспомнила прошлое, и ее сердце опять обратилось ко мне. Прав я или нет, не знаю, говоря так! Но она мне сказала: «Не плачь, не грусти, не все еще ре-

шено; ты и я — и более никто!» Это слова ее положительно. Я провел, не знаю, какие два дня, это было блаженство и мученье нестерпимые! К концу второго дня я уехал с полной надеждой. Но вполне вероятная вещь, что отсутствующие всегда виноваты. Так и случилось! Письмо за письмом, и опять я вижу, что она тоскует, плачет и опять любит его более меня! Я не скажу, Бог с ней! Я не знаю еще, что будет со мной без нее. Я пропал, но и она тоже. Можете ли Вы себе представить, бесценный и последний друг мой, что она делает и на что решается, с ее необыкновенным, безграничным здравым смыслом! Ей 29 лет; она образованная, умница, видевшая свет, знающая людей, страдавшая, мучившаяся, больная от последних лет ее жизни в Сибири, ищущая счастья, самовольная, сильная, она готова выйти замуж теперь за юношу 24 лет, сибиряка, ничего не видавшего, ничего не знающего, чуть-чуть образованного, начинающего первую мысль своей жизни, тогда как она доживает, может быть, свою последнюю мысль, без значенья, без дела на свете, без ничего, учителя в уездной школе, имеющего в виду (очень скоро) 900 руб. ассигн<ациями> жалованья. Скажите, Алекс<андр> Егоров<ич>, не губит она себя другой раз после этого? Как сойтись в жизни таким разнохарактерностям, с разными взглядами на жизнь, с разными потребностями? И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет, когда еще она <нрзб>, не позовет ли он ее смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? Кто знает, до чего может дойти распря, которую я неминуемо предвижу в будущности; ибо будь он хоть разыде-

альный юноша, но он все-таки еще не крепкий человек. А он не только не идеальный, но... Все может быть впоследствии. Что, если он оскорбит ее подлым упреком, когда поверит <?> что она рассчитывала на его молодость, что она хотела сладостраст<но> заесть век, и ей, ей! чистому, прекрасному ангелу, это, может быть, придется выслушать! Что же? Неужели это не может случиться? Что-нибудь подобное да случится непременно; а Кузнецк? Подлость! Бог мой, — разрывается мое сердце. Ее счастье я люблю более моего собственного. Я говорил с ней обо всем этом, то есть всего нельзя сказать, но о десятой доле. Она слушала и была поражена. Но у женщин чувство берет верх даже над очевидностью здравого смысла. Резоны упали перед мыслию, что я на него нападаю, подыскиваюсь (Бог с ней); и защищая его (что, дескать, он не может быть таким), я ни в чем не убедил ее, но оставил сомнение: она плакала и мучилась... По ее же вызову я решился написать ему все, весь взгляд на вещи; ибо, прощаясь, она совершенно обратилась опять ко мне всем сердцем. С ним я сошелся: он плакал у меня, но он только и умеет плакать! Я знал свое ложное положение; ибо начни отсоветовать, представлять им будущее, оба скажут: для себя старается, нарочно изобретает ужасы в будущем. Притом же он с ней, а я далеко. Так и случилось. Я написал письмо длинное ему и ей вместе. Я представил все, что может произойти от неравного брака... Она отвечала горячо, его защищая, как будто я на него нападаю. А он истинно по-кузнецки и глупо принял себе за личность и за оскорбление — дружескую, братскую просьбу мою (ибо он сам про-

сил у меня и дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья; ибо ему 24 года, а ей 29, у него нет денег, определенного в будущем и вечный Кузнецк. Представьте себе, что он всем этим обиделся; сверх того вооружил ее против меня, прочтя наизнанку одну мою мысль и уверив ее, что она ей оскорбительна. Мне написал ответ ругательный. Дурное сердце у него, я так думаю! Она же после первых вспышек уже хочет мириться, сама пишет мне, опять нежна... опять ласкова, тогда как я еще не успел оправдаться перед нею. Чем это кончится, не знаю, но она погубит себя, и сердце мое замирает...»

Но, несмотря на ревность, Федор Михайлович был всецело озабочен благополучием Марии Дмитриевны. Поэтому он умолял Врангеля похлопотать о том, чтобы Вергунову дали более денежное место: «Она не должна страдать. Если уж выйдет за него, то пусть хоть бы деньги были... Я еще не знаю, что можно для него сделать, я напишу об этом. Но теперь поговорите о нем Гасфорту (как о молодом человеке достойном, прекрасном, со способностями; хвалите его на чем свет стоит, что Вы знали его; что ему не худо бы дать место выше... Его зовут: Николай Борисович Вергунов. Он из Томска. Это все для нее, для нее одной. Хоть бы в бедности она не была, вот что!)...»

А.Е. Врангель в своих мемуарах наиболее полно описал, как развивался роман Марии Дмитриевны и Федора Михайловича. Александр Егорович вспоминал: «Особенно часто он (Достоевский. — Б. С.) навещал семью Исаевых. Сидел у них по вечерам и согласился давать уроки

их единственному ребенку — Паше, шустрому мальчику восьми-девяти лет. Мария Дмитриевна Исаева была, если не ошибаюсь, дочь директора гимназии в Астрахани и вышла там замуж за учителя Исаева. Как он попал в Сибирь — не помню. Исаев был больной, чахоточный и сильно пил. Человек он был тихий и смирный. Марии Дмитриевне было лет за тридцать; довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, натура страстная и экзальтированная. Уже тогда зловещий румянец играл на ее бледном лице, и несколько лет спустя чахотка унесла ее в могилу. Она была начитанна, довольно образованна, любознательна, добра и необыкновенно жива и впечатлительна. В Федоре Михайловиче она приняла горячее участие, приласкала его, не думаю, чтобы глубоко оценила его, скорее пожалела несчастного, забитого судьбою человека. Возможно, что даже привязалась к нему, но влюблена в него ничуть не была. Она знала, что у него падающая болезнь, что у него нужда в средствах крайняя, да и человек он «без будущности», говорила она. Федор же Михайлович чувство жалости и сострадания принял за взаимную любовь и влюбился в нее со всем пылом молодости. Достоевский пропадал у Исаевых по целым дням...

Однажды Федор Михайлович является домой хмурый, расстроенный и объявляет мне с отчаянием, что Исаев переводится в Кузнецк, верст за 500 от Семипалатинска. «И ведь она согласна, не противоречит, вот что возмутительно!» — горько твердил он.

Действительно, вскоре состоялся перевод Исаева в Кузнецк. Отчаяние Достоевского

было беспредельно; он ходил как помешанный при мысли о разлуке с Марией Дмитриевной; ему казалось, что все для него в жизни пропало. А тут у Исаевых оказались долги, пришлось все распродать — и двинуться в путь все же было не на что. Выручил их я, и собрались они наконец в путь-дорогу...

Сцену разлуки я никогда не забуду. Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок. Много лет спустя он напоминает мне об этом в своем письме от 31 марта 1865 года. Да! памятный это был день.

Мы поехали с Федором Михайловичем провожать Исаевых, выехали поздно вечером, чудною майскою ночью; я взял Достоевского в свою линейку. Исаевы поместились в открытую перекладную телегу — купить кибитку у них не было средств. Перед отъездом они заехали ко мне, на дорожку мы выпили шампанского. Желая доставить Достоевскому возможность на прощание поворковать с Марией Дмитриевной, я еще у себя здорово накатал шампанским ее муженька. Дорогою, по сибирскому обычаю, повторил; тут уж он был в полном моем распоряжении; немедленно я его забрал в свой экипаж, где он скоро и заснул как убитый. Федор Михайлович пересел к Марии Дмитриевне. Дорога была как укатанная, вокруг густой сосновый бор, мягкий лунный свет, воздух был какой-то сладкий и томный. Ехали, ехали... Но пришла пора и расстаться. Обнялись мои голубки, оба утирали глаза, а я перетаскивал пьяного, сонного Исаева и усаживал его в повозку; он немедленно же захрапел, по-видимому, не сознавая ни времени, ни места. Паша тоже спал. Дернули лошади, тронулся

экипаж, поднялись клубы дорожной пыли, вот уже еле виднеется повозка и ее седоки, затихает почтовый колокольчик... а Достоевский все стоит как вкопанный, безмолвный, склонив голову, слезы катятся по щекам. Я подошел, взял его руку — он как бы очнулся после долгого сна и, не говоря ни слова, сел со мною в экипаж. Мы вернулись к себе на рассвете. Достоевский не прилег — все шагал и шагал по комнате и что-то говорил сам с собою. Измученный душевной тревогой и бессонной ночью, он отправился в близлежащий лагерь на учение. Вернувшись, лежал весь день, не ел, не пил и только нервно курил одну трубку за другой...

Время взяло свое, и это болезненное отчаяние начало улегаться. С Кузнецком началась усиленная переписка, которая, однако, не всегда радовала Федора Михайловича. Он чуял что-то недоброе. К тому же в письмах были вечные жалобы на лишения, на свою болезнь, на неизлечимую болезнь мужа, на безотрадное будущее — все это не могло не угнетать Федора Михайловича. Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень. Он даже бросил свои «Записки из Мертвого дома», над которыми работал так недавно с таким увлечением. Любимое времяпрепровождение было, когда мы в теплые вечера растягивались на траве и, лежа на спине, глядели на мириады звезд, мерцавших из синей глубины неба. Эти минуты успокаивали его. Созерцание величия Творца, всеведомой, всемогущей Божеской силы наводило на нас какое-то умиление, сознание нашего ничтожества, как-то смиряло наш дух. О религии с Достоевским мы мало беседовали. Он был ско-

ее набожен, но в церковь ходил редко и попов, особенно сибирских, не любил. Говорил о Христе с восторгом...

Конечно, нужда материальная изводила его, а тут еще из Кузнецка шли безотрадные вести, одна тревожнее другой. М.Д. Исаева, уехав в глушь с мужем, пьяным и вечно больным, томилась и скучала. Все письма ее были переполнены жалобами на свое полное одиночество, на страшную потребность обменяться живым словом, отвести душу. В последующих письмах все чаще и чаще ею стало упоминаться имя нового знакомого в Кузнецке, товарища мужа Марии Дмитриевны, симпатичного молодого учителя. С каждым письмом отзывы о нем становились все восторженнее и восторженнее, восхвалялась его доброта, его привязанность и его высокая душа. Достоевский терзался ревностью; жутко было смотреть на его мрачное настроение, отражавшееся на его здоровье.

Мне страшно стало жаль его, и я решил устраить ему свидание с Марией Дмитриевной на полпути между Кузнецком и Семипалатинском в Змиеве, куда еще недавно нас так радушно зазывал горный генерал Гернгросс.

Очень я рассчитывал также, что эта встреча и объяснение положат конец несчастному роману Достоевского. Но вот в чем была задача: как довезти Федора Михайловича туда, за 160 верст от Семипалатинска, так, чтобы эта поездка осталась тайной. Как я уже говорил выше, начальство таких дальних поездок не разрешало. Губернатор и батальонный командир Федора Михайловича наотрез уж два раза отказали отпустить его со мною в Змиев. Ну, думаю, была не была.

Открыл мой план Достоевскому. Он радостно схватился за него; совсем ожил мой Федор Михайлович, больно уж влюблен был бедняга. Немедля я написал в Кузнецк Марии Дмитриевне, убеждая ее непременно приехать к назначенному дню в Змиев. В городе же распустил слух, что после припадка Федор Михайлович так слаб, что лежит. Дал знать и батальонному командиру Достоевского; говорю: «болен бедняга, лежит, и лечит его военный врач Lamotte». А Lamotte, конечно, за нас, друг наш был, чудной, благородной души человек, поляк, студент бывшего Виленского университета, выслан был сюда на службу из-за политического какого-то дела. Прислуге моей было приказано всем говорить, что Достоевский болен и лежит у нас. Закрывали ставни, чтобы как будто не потревожить больного. Велено никого не принимать. На счастье наше все высшее начальство, начиная с военного губернатора, только что выехало в степи...

Еще в половине августа, находясь по делам службы в Бийске, я неожиданно получил очень возбужденное письмо от Достоевского. Он извещал меня о смерти Исаева. Все письмо дышит самой трогательной заботливостью о Марии Дмитриевне...

Привязанность Достоевского к Исаевой всегда была велика, но теперь, когда она осталась одинока, Федор Михайлович считает прямо целью своей жизни попечение о ней и ее сироте Паше. Надо знать, что ему хорошо было известно в то время, что Марии Дмитриевне нравится в Кузнецке молодой учитель Вергунов, товарищ ее покойного мужа, личность, как говорили, совершенно бесцветная. Я его не знал и никогда не

видал. Не чуждо, конечно, было Достоевскому и чувство ревности, а потому тем более нельзя не преклоняться перед благородством его души: забывая о себе, он отдавал себя всецело заботам о счастии и спокойствии Исаевой.

А как тягостно было его состояние духа, удрученное желанием устроить Марию Дмитриевну, видно из его писем; например, вот несколько строк из письма Достоевского к Майкову от 18 января 1856 года:

«Я не мог писать. Одно обстоятельство, один случай, долго медливший в моей жизни и наконец посетивший меня, увлек и поглотил меня совершенно. Я был счастлив, я не мог работать. Потом грусть и горе посетили меня».

Какая высокая душа, незлобивая, чуждая всякой зависти была у Федора Михайловича, судите сами, читая его заботливые хлопоты о своем сопернике — учителе В<ергунове>. В одном письме ко мне, о котором упоминает Орест Миллер в своем сборнике и которое затеряно, Достоевский пишет: «на коленях» готов за него (за учителя В<ергунова>) просить. Теперь он мне дороже брата родного, не грешно просить, он того стоит... Ради Бога, сделайте хоть что-нибудь — подумайте, и будьте мне братом родным». Много ли найдется таких самоотверженных натур, забывающих себя для счастья другого.

Но вот 21 декабря 1856 года судьба, наконец, улыбнулась Федору Михайловичу. В письме от 21 декабря 1856 года Достоевский пишет мне: «Если не помешает одно обстоятельство, то я до Масленицы женюсь — Вы знаете на ком.

Она же любит меня до сих пор... Она сама мне сказала: «Да». То, что я писал Вам об ней летом, слишком мало имело влияния на ее привязанность ко мне. Она меня любит. Это я знаю наверно. Я знал это и тогда, когда писал Вам летом письмо мое. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности... Еще летом по письмам ее я знал это. Мне было все открыто. Она никогда не имела тайн от меня...

Так благополучно, наконец, завершился роман Достоевского, который захватил его всего, стоил ему бессонных ночей, тревоги, здоровья и денег, но... едва ли дал ему настоящее счастье».

В том же письме от 21 декабря 1856 года Достоевский опять просил за бывшего любовника своей невесты: «...еще просьба: об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом про Вергунова. Я просил Вас ходатайствовать за него у Гасфорта. Теперь он мне дороже брата родного...» И вновь заклинал «протезировать» Вергунову для получения места в Томске с окладом в 1000 рублей ассигнациями. Вскоре после свадьбы Достоевского и Исаевой в Кузнецке 5 февраля 1857 г., на которой Вергунов был «поручителем» жениха, он из Томска, где действительно некоторое время прожил, перебрался в Семипалатинск, работал учителем в приходском училище.

П.П. Семенов-Тяньшанский, знавший Достоевского еще по кружку петрашевцев, навестил его в Семипалатинске. Он вспоминал: «Тут только для меня окончательно выяснилось все его нравственное и материальное положение. Несмотря на относительную свободу, которой

он уже пользовался, положение было бы все же безотрадным, если бы не светлый луч, который судьба послала ему в его сердечных отношениях к Марии Дмитриевне Исаевой, в доме и обществе которой он находил себе ежедневное прибежище и самое теплое участие.

Молодая еще женщина (ей не было и тридцати лет), Исаева была женой человека достаточно образованного, имевшего хорошее служебное положение в Семипалатинске и скоро, по водворении Ф. М. Достоевского, ставшего к нему в приятельские отношения и гостеприимно принимавшего его в своем доме. Молодая жена Исаева, на которой он женился еще во время своей службы в Астрахани, была астраханская уроженка, окончившая свой курс учения с успехом в Астраханской женской гимназии, вследствие чего она оказалась самой образованной и интеллигентной из дам семипалатинского общества. Но независимо от того, как отзывался о ней Ф. М. Достоевский, она была «хороший человек» в самом высоком значении этого слова. Сошлись они очень скоро. В своем браке она была несчастлива. Муж ее был недурной человек, но неисправимый алкоголик, с самыми грубыми инстинктами и проявлениями во время своей невменяемости. Поднять его нравственное состояние ей не удалось, и только заботы о своем ребенке, которого она должна была ежедневно охранять от невменяемости отца, поддерживали ее. И вдруг явился на ее горизонте человек с такими высокими качествами души и с такими тонкими чувствами, как Ф. М. Достоевский. Понятно, как скоро они поняли друг друга и сошлись, какое теплое участие она приняла

в нем и какую отраду, какую новую жизнь, какой духовный подъем она нашла в ежедневных с ним беседах и каким и она в свою очередь служила для него ресурсом во время его безотрадного пребывания в не представлявшем никаких духовных интересов городе Семипалатинске.

Во время моего первого проезда через Семипалатинск в августе 1856 года Исаевой уже там не было, и я познакомился с ней только из рассказов Достоевского. Она переехала на жительство в Кузнецк (Томской губернии), куда перевели ее мужа за непригодность к исполнению служебных обязанностей в Семипалатинске. Между нею и Ф. М. Достоевским завязалась живая переписка, очень поддерживавшая настроение обоих. Но во время моего проезда через Семипалатинск осенью обстоятельства и отношения обоих сильно изменились. Исаева овдовела и, хотя не в состоянии была вернуться в Семипалатинск, но Ф. М. Достоевский задумал о вступлении с ней в брак. Главным препятствием к тому была полная материальная необеспеченность их обоих, близкая к нищете...

В январе 1857 года я был обрадован приездом ко мне Ф. М. Достоевского. Списавшись заранее с той, которая окончательно решила соединить навсегда свою судьбу с его судьбой, он ехал в Кузнецк с тем, чтобы устроить там свою свадьбу до наступления Великого поста. Достоевский пробыл у меня недели две в необходимых приготовлениях к своей свадьбе. По нескольку часов в день мы проводили в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время еще не оконченных «Записок из Мертвого дома», дополняемых устными рассказами.

Понятно, какое сильное, потрясающее впечатление производило на меня это чтение и как я живо переносился в ужасные условия жизни страдальца, вышедшего более чем когда-либо с чистой душой и просветленным умом из тяжелой борьбы, в которой «тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». Конечно, никакой писатель такого масштаба никогда не был поставлен в более благоприятные условия для наблюдения и психологического анализа над самыми разнообразными по своему характеру людьми, с которыми ему привелось жить так долго одной жизнью. Можно сказать, что пребывание в «Мертвом доме» сделало из талантливого Достоевского великого писателя-психолога.

Но не легко достался ему этот способ развития своих природных дарований. Болезненность осталась у него на всю жизнь. Тяжело было видеть его в припадках падучей болезни, повторявшихся в то время не только периодически, но даже довольно часто. Да и материальное положение его было самое тяжелое, и, вступая в семейную жизнь, он должен был готовиться на всякие лишения и, можно сказать, на тяжелую борьбу за существование».

Мария Дмитриевна была женщиной капризной, обидчивой. Быстро уставала, страдала от мигреней, часто рыдала без причины. Целыми часами изливала ему свои обиды.

1 октября 1856 года, после долгих и настоячивых хлопот его друзей, писатель наконец получил приказ о производстве его в прапорщики. Мария Дмитриевна сердечно поздравила его, но по-прежнему не говорила ни «да», ни «нет». И тогда Достоевский в конце ноября 1856 года,

получив недельный отпуск, едет в Кузнецк. Возвратившись в Семипалатинск, Достоевский писал Врангелю: «Если не помешает одно обстоятельство, то я до Масленицы женюсь — Вы знаете на ком. Никто, кроме этой женщины, не составит моего счастья...».

Денег на свадьбу не было, но опять помогла А.Н. Катанаева. Время, пока он дожидался свадьбы, Достоевский назвал «самым критическим моментом всей жизни».

В конце января 1857 года он в третий раз выезжает в Кузнецк, чтобы сочетаться браком с М.Д. Исаевой. 6 февраля 1857 года, в день, назначенный для бракосочетания, Одигитриевская церковь была полна народу. Благодаря Катанаевой свадьба вышла довольно пышная. Дочь чиновника Т.М. Темезова, которая присутствовала в церкви, вспоминала: «За народом едва можно было протолкаться вперед... Конечно, присутствовало в церкви все лучшее кузнецкое общество. Достоевский был в веселом расположении духа, шутил, смеялся. Это довольно интересный факт. Как известно, Достоевский отличался характером необщительным, даже мрачным. Очевидно, здесь, в Кузнецке, под влиянием близости любимого существа, вдали от служебных обязанностей, Федор Михайлович чувствовал себя, если не вполне счастливым, то удовлетворенным более или менее. Когда устраивались карты, Федор Михайлович не отказывался принимать участия, случалось ему, как другим, выигрывать или проигрывать».

Нередко видели Достоевского в его военном плаще, гуляющим по улицам города вместе с Марией Дмитриевной. Посещал он часто вен-

чавшего его священника Евгения Тюменцева, которому после прислал в подарок свою автобиографию.

В метрической книге Одигитриевской церкви под № 17 появилась запись: «Повенчаны: служащий в Сибирском линейном батальоне № 7, прапорщик Федор Михайлович Достоевский, православного вероисповедания, первым браком, 34 лет. Невеста его: вдова Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя по корчемной части, колледжского секретаря Александра Исаева, православного вероисповедания, вторым браком».

Шафером со стороны жениха выступал Николай Вергунов. И это сообщало большую напряженность бракосочетанию и раскрывало в празднике венчания сложную внутреннюю драму соперничества, ревности и вражды. К какому жестокому и грозному финалу мог бы привести такой накал страстей? К бегству невесты из-под венца, к убийству мучительницы любовником, к сумасшествию покинутого жениха? Через 12 лет Достоевский увековечит эту драму в своем гениальном романе о грешнице, полюбившей праведника и убитой сладострастником».

Здесь имеется в виду судьба Настасьи Филипповны в «Идиоте».

Перед самым отъездом из Кузнецка на могилу Исаева была положена чугунная плита, изготовленная по распоряжению Марии Дмитриевны.

Вергунов же по ходатайству Достоевского получил-таки искомое место в Томске. 21 декабря 1856 года, когда вопрос о свадьбе был решен, Достоевский писал Врангелю: «...Еще просьба:

об ней прошу Вас на коленях. Помните, я Вам писал летом про Вергунова. Я просил Вас ходатайствовать за него у Гасфорта. Теперь он мне дороже брата родного...»

Однако со стороны место Вергунову в Томске выглядело как отступное. Вскоре после свадьбы тот перебрался из Томска в Семипалатинск, где жили Достоевский с Машей. Правда, когда Достоевский в начале июля 1859 года выехал с женой и пасынком в Тверь, Вергунов за ними не последовал, остался в Семипалатинске, затем в 1863 году переехал в Барнаул, где женился, но в 1869 году опять вернулся в Семипалатинск. Там он прожил недолго и умер в следующем году, в возрасте всего лишь 38 лет. Быть может, его здоровье было подорвано несчастной любовью к Исаевой.

Любовь Федоровна Достоевская вспоминала: «Она (Исаева — Б.С.) надоела ему (Вергунову. — Б. С.) и он покинул Тверь, не оставив своего адреса. Одиночество довело Марию Дмитриевну до крайности. Во время одной из обычных сцен, которые она делала своему мужу, она призналась Достоевскому (Достоевский, занятый печатанием своего романа, оставался в Петербурге, но ездил часто в Тверь для посещения своей жены) во всем, рассказала свою любовную историю с молодым учителем со всеми подробностями. С утонченной жестокостью она сообщила моему отцу, как они вместе смеялись и издевались над обманутым мужем, признавалась, что она никогда не любила его и вышла замуж лишь из расчета. «Женщина, хоть немного уважающая себя, не может любить человека, прошедшего че-

тыре года на каторжных работах в обществе воров и разбойников». Бедный отец!».

Как видим, дочь Достоевского Любовь, появившаяся на свет в 1869 году, через пять лет после смерти Марии Дмитриевны, утверждала в мемуарах, будто ночь накануне свадьбы Исаева провела с Вергуновым, а потом их связь возобновилась в Семипалатинске. Откуда получила такие сведения Любовь Федоровна, не известно. Во всяком случае, версия о том, что в самый канун свадьбы Мария Дмитриевна изменила жениху с прежним любовником, больше походит на легенду. Кузнецк тогда был городом маленьким, все про всех все знали, и такая скандальная подробность, как измена невесты накануне свадьбы, вряд ли бы прошла мимо ушей кузнецких обывателей. Крайне маловероятно также, чтобы Мария Дмитриевна и Николай Борисович решились на связь в Семипалатинске, где ее вряд ли можно было бы скрыть от Достоевского. И столь же фантастично, что об этой измене первая жена сообщала Достоевскому. Можно допустить, что Вергунов последовал за ускользнувшим от него предметом его любви с чисто платоническими чувствами.

Действительно ли Исаева рассказала Достоевскому о своей измене? Но была ли измена или она придумана, дабы побольнее задеть Достоевского и отомстить ему за увлечение Сусловой?

Так или иначе, а признанию Достоевский поверил и, вероятно, поведал второй жене. Во всяком случае, Анна Григорьевна убеждена в неверности Исаевой. И если бы Достоевский пытался протестовать, объявляя выдумками при-

знания больной женщины, то в описании Любови Федоровны обязательно бы появились соответствующие оговорки.

Федор Михайлович любил Марию Дмитриевну, но брак их не был счастливым. После смерти жены Достоевский признался: «Мы не жили с ней счастливо».

Е.Ф. Соловьева писала в посвященном Достоевскому биографическом очерке павленковской серии «ЖЗЛ», появившейся в 1912 году: «Хотя Достоевский и вышел из острога больной (у него появилась падучая), без денег, но жажда жизни была сильнее всего: он поспешил влюбиться. Его любовь, как, кажется, первая в жизни, была настоящей страстью. Как страсть, она вызывала ужасные муки томления, ревности. По-видимому, и М. Д. была не из спокойных людей, а такая же подозрительная, ревнивая, мучительная натура, как и Достоевский. Легко вообразить себе их взаимные отношения, особенно если припомнить, что оба в то время были буквально нищие люди, что еще увеличивало их и так уже тревожное настроение. Достоевский любил, по-видимому, с каким-то самоотвержением. По крайней мере, когда после одной из бесчисленных ссор и «расставаний» будущая жена его увлеклась кем-то другим, вот что писал он о ней барону Врангелю, не совсем удачно приняв на себя (вернее, вообразив) роль друга: «Нельзя ли пошевелить это дело (то есть выдачу пособия), чтобы оно разрешилось в пользу Марьи Дмитриевны. В ее положении такая сумма целый капитал, а в теперешнем положении — ее единственный выход. Я трепещу, чтобы она, не

дождавшись этих денег, не вышла замуж. У него (кто это он — неизвестно) ничего нет, у ней — тоже». После этой ссоры влюбленные, однако, примирились. Напомним, через несколько месяцев Достоевский пишет тому же Врангелю: «...Она сама сказала мне «да». То, что я писал вам об ней летом (об ее увлечении другим), мало имело влияния на ее привязанность ко мне. Она скоро разуверилась в своей новой привязанности. Еще летом, по письмам ее, я знал об этом. Мне было все открыто. Она никогда не имела тайн от меня. О, если б вы знали, что это за женщина!» Это уже тон восторженно влюбленного. Повторяю, эпизод очень характерный, хотя и страшно скомканный, как в биографии, так и в воспоминаниях и даже в письмах. Любопытна вот какая черта: Достоевский, сам страстно влюбленный, берет на себя роль друга во время разрыва, устраивает, по крайней мере, заботится о чужом благополучии наперекор собственному, и это несмотря на свою страсть, на всю свою ревность. Момент сложный, едва затронутый самим Достоевским в его романе «Бесы»... Что это — самопожертвование, психопатическое смирение или, наконец, невероятная способность самосочинения, которой так много у Достоевского? Вообразил себя человек вот таким-то, потом и действует по воображаемому образцу.

Но все же несомненно, что Достоевский любил. Сам он впоследствии (в 1865 г.), в письме к Врангелю так характеризует свою семейную жизнь с Марьей Дмитриевной: «Другое существо, любившее меня, и которое я любил без меры, жена моя, умерла в Москве, куда перееха-

ла за год до смерти своей от чахотки. Я переехал вслед за нею, не отходил от ее постели всю зиму 1864 г., и 16 апреля прошлого года она скончалась, в полной памяти, прощаясь, вспоминала всех, кому хотела в последний раз от себя поклониться, вспомнила и об вас. Помяните ее хорошим, добрым воспоминанием. О друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с нею счастливо. Все расскажу вам при свидании, — теперь же скажу только то, что, несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по ее странному, мнительному и болезненно-фантастическому характеру), мы не могли перестать любить друг друга, даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так. Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушнейшая женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла, — я хоть мучился, видя (весь год), как она умирает, хоть я ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уж год, и чувство все то же, не уменьшается».

Можно с полным основанием предположить, что именно любовь Марии Дмитриевны в Семипалатинске окончательно обратила Достоевского к христианству. Только у Достоевского сначала была страсть, которая позднее сменилась постепенным охлаждением и взаимными попреками, что усугублялось болезнями обоих: эпилепсией у Достоевского, чахоткой у его жены.

«Вспоминая, — пишет об этом Анна Григорьевна Сниткина, вторая жена Достоевского, — он мне рассказал про свою печальную одинокую юность после смерти нежно им любимой матери, вспоминал насмешки товарищей по литературному поприщу, сначала признавших его талант, а затем жестоко его обидевших. Вспоминал про каторгу и о том, сколько он выстрадал за 4 года пребывания в ней. Говорил о своих мечтах найти в браке своем с Марьей Дмитриевной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: детей от Марьи Дмитриевны он не имел, а ее «странный, мнительный и болезненно-фантастический характер» был причиной того, что он был с ней несчастлив. И вот теперь, когда это «великое и единственное человеческое счастье иметь родное дитя» посетило его и он имел возможность сознать и оценить это счастье, злая судьба не пощадила его и отняла у него столь дорогое ему существо...»

О своей жене Достоевский писал брату Михаилу: «Это доброе и нежное создание, немного быстрая, скорая, сильно впечатлительная прошлая жизнь оставила на ее душе болезненные следы. Переходы в ее ощущениях быстры до невозможности». В жизни это проявлялось в том, что Марья Дмитриевна обижалась молниеносно, повсюду видела подвохи, в гневе кричала и рыдала до обмороков, потом смиренно просила прощения, являя кротость и доброту.

Анна Григорьевна, которой муж рассказывал о своих изменах первой жене, сделала вывод, что он первую жену не любил: «Что это за любовь, когда при ней возможно любить и другого человека, да не только одного, а нескольких».

Вторая жена Достоевского вспоминала, как весной 1868 года, после смерти их первого ребенка, трехмесячной Сони, на пароходе, следовавшем из Женевы в Веве, она «услышала его горькие жалобы на судьбу, всю жизнь его преследовавшую... Говорил о своих мечтах найти в браке своем с Марией Дмитриевной столь желанное семейное счастье, которое, увы, не осуществилось: детей от Марии Дмитриевны он не имел», а из-за ее характера «был очень несчастлив».

По уверению Любви Федоровны, ее отец «с грустью... повторял позорные слова Марии Дмитриевны: «Ни одна женщина не полюбит бывшего каторжника». Анна Григорьевна в дневнике также записала, что «Мария Дмитриевна ругала его каторжником, подлецом, колодником, и ей все сходило с рук».

К моменту встречи с Аполлинарией Сусловой брак Достоевского уже дал трещину. Любви между супругами больше не было. Федора Михайловна удерживала только жалость к смертельно больной жене.